

Нагини появилась в нашей жизни, словно проведя невидимую черту между мной и Томом. Разделяя этот секрет, способный напугать любого нормального человека, мы из двух людей, связанных лишь холодным расчетом и взаимной зависимостью, внезапно превратились в двух кузнечиков, привязанных к одной веревке — причем веревке, закрепленной на ящике с динамитом.

Я понимал, что нельзя больше сидеть сложа руки и ждать, пока его магия прорвется наружу сама собой. Этот ключ нужно было отшлифовать, нужно было понять, как именно он работает, иначе — не то что дверь открыть, спасибо, если сами не взлетим на воздух. Моя роль наставника стала приобретать пугающую целенаправленность, словно я проводил какие-то незаконные эксперименты на людях.

— Том, — я старался, чтобы мой голос звучал так, будто мы обсуждаем погоду, хотя Нагини, свернувшаяся на груди кирпичей, служила нам весьма странным фоном, — ты можешь почувствовать это? Ту самую силу, которая позволяет тебе двигать вещи на расстоянии?

Он кивнул, глядя на меня черными глазами, полными такого доверия, что, казалось, он готов рассказать мне вообще всё на свете.

— А что это такое? У тебя тоже есть такая сила, брат? — Том склонил голову набок, задавая вопрос с детским любопытством.

Хороший вопрос. Если бы я умел такое, то давно наколдовал бы себе базуку, чтобы разнести в щепки портал в этот мир.

— Это... у каждого свои таланты, — я лихорадочно соображал, что ответить. Не признаваться же, что мой талант — переродиться с памятью о прошлой жизни, да еще и не в том месте? — Ну, как кто-то рождается сильным, а кто-то быстрым. А талант брата... он лежит в другой плоскости.

Я поспешил вернуть разговор в нужное русло:

— Эта сила внутри тебя — она похожа на реку или, может, на огонь?

Он серьезно задумался, и его маленькие брови сошлись на переносице:

— Иногда... будто внутри ползает куча мелких жучков, очень шумно. — Он указал на грудь. — А иногда здесь становится очень горячо, словно всё внутри загорается.

— Попробуй прислушаться к этому ощущению, — я понизил голос, стараясь говорить мягко, словно успокаивал нервную лошадь. — Когда это чувство приходит, не бойся и не пытайся сразу выплеснуть его наружу. Попробуй... удержать его.

Я протянул руку, сжал кулак и медленно разжал пальцы, демонстрируя абстрактное понятие контроля.

— Как будто ты держишь в руке камень. Почувствуй его форму и вес.

Том повторил за мной: сжал маленькие кулачки, а его личико напряглось, как у серьезного старичка. Он закрыл глаза, и длинные ресницы отбросили тени на бледную кожу. Вокруг стояла тишина, лишь ветер завывал в сухой траве, словно в фильме ужасов.

Через несколько минут маленький камешек у его ног едва заметно дрогнул, а затем, пошатываясь, поднялся в воздух и завис в паре дюймов от земли, раскачиваясь, как поплавок в воде.

Получилось! Хотя казалось, что в следующую секунду всё сорвется. Он открыл глаза, увидел камешек, и в его взгляде мелькнул восторг. Он тут же посмотрел на меня — совсем как щенок, ждущий, когда ему бросят фрисби.

— Отлично, — я подавил волнение, стараясь оставаться невозмутимым. — А теперь попробуй медленно опустить его. Помягче.

Он закусил губу, изо всех сил пытаясь сосредоточиться. Камешек еще немного поболтался в воздухе и с тихим стуком упал обратно. На его лице тут же отразилось разочарование.

— Ничего страшного, — я поспешил подбодрить его. — Для первого раза — просто великолепно. Контролировать силу гораздо сложнее, чем просто выпускать её, это требует практики. Дальше будет только лучше.

По правде говоря, прогресс шел куда быстрее, чем я ожидал. Этот мальчишка был гением, пусть и очень опасным. Я ввел эти тренировки в наш распорядок дня. Помимо чтения и счета, теперь у нас были уроки медитации и контроля. Я заставлял его двигать более легкие предметы, например, перья; учил не взрываться, когда нахлынут эмоции, а направлять эту энергию в спокойное русло.

Процесс был медленным и мучительным. Иногда он всё же терял контроль, заставляя вещи летать по комнате или случайно что-то ломая. В такие моменты он тут же смотрел на меня с тревогой и извинением, напоминая кота, который разбил вазу. А я больше не был тем сторонним наблюдателем, который только и мог что стоять с открытым ртом. Я начал активно вмешиваться, как бестолковый тренер. Указывал на ошибки, анализировал причины срывов и хвалил за малейшие успехи.

Я поймал себя на мысли, что всё это уже не просто стратегическая инвестиция ради того, чтобы вернуться домой. Наблюдая за тем, как он из состояния полного неумехи переходит к попыткам управлять своей силой, я ощутил странное чувство гордости. Это было похоже на то, как в прошлой жизни, после бессонных ночей в лаборатории, я наконец получал красивые

данные или когда мой подопечный цветок, наконец, давал ростки. Наверное, это и есть то самое удовлетворение, которое чувствуют ученые или старые фермеры.

Конечно, Нагини оставалась молчаливым и необычным наблюдателем наших тренировок. Том, казалось, лучше успокаивался после того, как пошипит ей пару слов. Иногда мне даже чудилось, что холодные вертикальные зрачки змеи пристально изучают меня, оценивая, как я влияю на её долгосрочный источник пропитания.

Однажды ночью меня разбудили приглушенные, прерывистые всхлипывания. Это был Том — ему снова снился кошмар. На этот раз я не стал медлить, как в первый раз. Встал и подошел к его кровати. Лунный свет падал через узкое окно на его лицо, испачканное слезами; он сжался в комочек и слегка дрожал.

Я не стал будить его сразу, просто сел на край кровати. Через некоторое время он вздрогнул и проснулся, резко сел, тяжело дыша, с глазами, полными ужаса от пережитого сна. Увидев меня, он замер, а затем бросился ко мне, словно к спасательному кругу, обхватил за талию и уткнулся лицом в мою тонкую пижаму, продолжая дрожать.

— Брат... — его голос дрожал от рыданий, слова были невнятными. — Там... красное... так много крови... и крики...

Вещий сон? Или посттравматический синдром? Я не знал.

Я не стал его отталкивать и не произнес привычных сухих слов о том, что это всего лишь сон. Моя рука долго колебалась, но в конце концов легла на его худую спину, неловко, но размеренно поглаживая её.

— Всё хорошо, — мой голос прозвучал в ночной тишине особенно четко. — Это просто сон, я здесь.

Он прижался ко мне, дрожь постепенно утихла, дыхание выровнялось. Но он не отпустил меня, а, наоборот, обнял еще крепче. В тот момент, обнимая этого ледяного, измученного ночными кошмарами ребенка и чувствуя его безграничное доверие, я понял, что стена, которую я выстроил вокруг себя под названием расчет, рухнула еще на один кирпич.

Я прекрасно осознавал, что скольжу по опасному пути. Чем больше чувств вкладываешь, тем больнее будет потом, когда придется уйти. И для него, и для меня. Но когда я посмотрел на его спокойное спящее лицо — лицо обычного пятилетнего ребенка, с которого сошли все маски, — странное, мягкое чувство, словно ночной туман, незаметно окутало меня.

Я тихо вздохнул, уложил его обратно в постель и укрыл одеялом. Ну что ж, похоже, я не просто шлифую ключ. Кажется, я черт возьми, действительно становлюсь ему братом.

С этой мыслью я вернулся в свою холодную кровать, чувствуя такой коктейль эмоций, что из них можно было бы приготовить полноценный обед.

<http://bllate.org/book/24123/2780121>